

Шэнь Цзинцин пролежал в постели уже два дня. Выпив немного воды из духовного источника, он почувствовал, что силы вернулись, и захотел немного размяться. По привычке он направился на кухню.

Кухонная печь здесь была старинной, сложенной из жёлтой глины. Она не шла ни в какое сравнение с современными продвинутыми плитами, но от неё веяло особенным уютом и теплом домашнего очага.

Шэнь Цзинцин смотрел на неё с радостью. С начала апокалипсиса он не держал в руках кухонной утвари. Сейчас он то прикасался к краю печи, то заглядывал в корзину для овощей, всё казалось ему новым и свежим, душа требовала действия.

Он взглянул на корзину с сочными дикими травами, пальцы сами собой зашевелились. Шэнь Цзинцин вышел во двор к колодцу и, как и ожидал, увидел кусок мяса, подвешенный внутри для сохранности.

Он потянул за верёвку, поднял мясо и решил сварить кашу с зеленью и нежной свиной.

Шэнь Цзиньхуа вернулся именно в этот момент. Он нес добытую дичь и застал своего брата стоящим у колодца и задумчиво взирающим на кусок свинины.

Он тяжело вздохнул, но улыбнулся. После того как его брат «заболел», его поступки стали всё более странными и милыми, как у ребёнка.

Шэнь Цзиньхуа с особой нежностью погладил Шэнь Цзинцина по голове и спросил:

— Что это ты застыл перед куском мяса?

Шэнь Цзинцин почувствовал прикосновение руки брата и понял, что тот вернулся. Старший брат всё ещё считал его шестилетним ребёнком, поэтому слова Шэнь Цзиньхуа не показались ему обидными. Он лишь сладко улыбнулся брату и спросил, можно ли ему сварить кашу из этого мяса.

Странно, но братья Шэнь были поразительно похожи. Когда Шэнь Цзинцин не улыбался, от него веяло холодом и отстранённостью. Но стоило ему улыбнуться, как ямочка на правой щеке становилась такой глубокой, будто из неё мог потечь мёд.

Увидев эту улыбку, Шэнь Цзиньхуа не смог бы отказать ему ни в чём.

Он забрал у Шэнь Цзинцина мясо, внес фазана на кухню и посадил птицу в клетку в углу. После этого он решил остаться и присмотреть за братом, пока тот варит кашу.

В его сердце Шэнь Цзинцин всё ещё был ребёнком с разумом шестилетнего малыша.

Он мог позволять ему многое, но не мог оставить без присмотра.

Шэнь Цзинцин улыбнулся ещё шире. Его глаза заблестели, когда он увидел фазана, которого принес брат. Тут же он вспомнил о нескольких свежих диких каштанах, которые заметил на кухне.

В уме он уже твёрдо решил, что следующим блюдом будет суп из фазана с каштанами.

До апокалипсиса Шэнь Цзинцин был популярным кулинарным блогером. Он изучал старинные печи, когда воссоздавал древние рецепты или традиционные деревенские блюда. Поэтому, с учётом инструкций Шэнь Цзиньхуа, он быстро освоился.

Он осторожно развёл огонь в очаге, засыпал промытый рис в глиняный горшок, добавил воды и поставил на сильный огонь.

Пока вода закипала, Шэнь Цзинцин вымыл дикие травы и нарезал их, а свинину настрогал тонкими ломтиками. Условия были ограничены, поэтому мясо он замариновал лишь солью и соевым соусом.

Рецепт каши прост, поэтому Шэнь Цзинцину не нужно было делать ничего сложного. Он лишь изредка помешивал котёл и ждал, пока вода закипит.

На ужин лучше есть немного меньше. Шэнь Цзинцин прикинул, что помимо каши останется ещё немного мясных ломтиков, которые можно быстро обжарить. Другие блюда он готовить не стал.

Делать было нечего, поэтому он придвинул маленькую табуретку и сел рядом с братом.

Постепенно по кухне распространился аромат риса. Братья сидели у огня молча. Даже без слов между ними царил необыкновенно тёплое чувство.

— Брат, — Шэнь Цзинцин лёгким движением плеча коснулся плеча Шэнь Цзиньхуа. — Мне кажется, будто прошла целая вечность с тех пор, как я последний раз готовил.

Поэтому, даже приготовив простую кашу с зеленью и мясом да обжарив несколько ломтиков свинины, он чувствовал глубокое, торжественное удовлетворение.

Шэнь Цзиньхуа замер:

— Цзинцин, ты... ты больше не болен?

Шэнь Цзинцин фыркнул со смехом, но глаза его увлажнились.

— Да, не болен. Ты только сейчас заметил?

Шэнь Цзиньхуа резко притянул его к себе в объятия.

— Брат думал, что Сяо Доу всё ещё шестилетний малыш. — А оказывается, ты уже можешь сварить кашу для старшего брата.

Шэнь Цзиньхуа вдруг вспомнил, как Шэнь Цзинцин в детстве был точно таким же. Тогда он был ещё ниже печи, придвигал табуретку, забирался на неё и кричал, что хочет приготовить паровые булочки для брата. Мать, готовившая у очага, суетилась вокруг них, и вся семья смеётся над этой картиной.

Конечно, под «всей семьёй» не подразумевалась семья Шэнь Бая. В то время матери не разрешали сидеть за общим столом, но она должна была готовить еду для всей большой семьи. Часто она могла приступить к своей трапезе только после того, как старшая ветвь семьи заканчивала есть.

Мать не садилась за стол, отец работал в городе и возвращался очень поздно. Еды в крестьянской семье было мало, а старшая ветвь намеренно притесняла их. Поэтому братья Шэнь Цзиньхуа и Шэнь Цзинцин часто оставались голодными.

Иногда, когда блюдо получалось особенно вкусным, они не успевали попробовать ни кусочка, как их заставляли отдать еду Шэнь Баю и его младшему брату.

Только когда возвращался отец, они могли немного поесть отдельно, но даже за это их называли бессовестными обжорами.

Его родители были добрыми и мягкими людьми, но доброта лишь делала их мишенью для угнетения. Всю жизнь их притесняла старшая ветвь семьи. В конце концов, из-за Шэнь Бая и безграничной злобы и потворства старшей ветви, они умерли, полные ненависти и обиды.

Шэнь Цзиньхуа, вспоминая сейчас те события, думал, что вся семья старшей ветви, включая его дедушку и бабушку, вероятно, были прокляты этим Шэнь Баем. Они были ядовиты и злы, словно саранча, высосали кровь и плоть его родителей досуха и привели их семью к гибели...

— Брат, отпусти меня, а то каша пригорит, — вдруг произнёс Шэнь Цзинцин, прерывая воспоминания Шэнь Цзиньхуа.

Увидев кипящую белую кашу, в глазах которой всё ещё блестели слёзы, Шэнь Цзиньхуа поспешно отпустил младшего брата.

Шэнь Цзинцин немного смутился и поспешно повернулся к котлу. Аромат риса и горячий пар ударили ему в лицо. Он проверил консистенцию, она была идеальной, густой и вязкой. Тогда он добавил маринованные ломтики мяса и перемешал.

Когда мясо побелело и приготовилось, он высыпал нарезанную зелень и снова перемешал.

Каша быстро сварилась. Шэнь Цзинцин хотел вынести её на четырёхугольный стол во дворе, но Шэнь Цзиньхуа не позволил ему нести тяжёлое. Сам взяв кусок белой ткани для защиты от жара, он вынес котёл и поставил на стол, а затем вернулся за тарелкой с жареным мясом, оставленной на печи.

Шэнь Цзинцину стало смешно. Он достал из кувшина немного солений, взял палочки для еды и миски и вышел наружу.

Нельзя не признать, у Шэнь Цзинцина действительно был кулинарный дар. Каша получилась идеальной: густой, мягкой и тающей во рту. С каждым глотком аромат риса разливался внутри, согревая тело.

Даже если отбросить «фильтр старшего брата», Шэнь Цзиньхуа признавал, что сам не смог бы приготовить блюдо такого вкуса.

Шэнь Цзиньхуа причмокнул, чувствуя, что, возможно, он обижал своего младшего брата.

— Сяо Доу, брат лишь бедный учёный муж. Не гожусь ни для приёмов в зале, ни для работы на кухне, даже пахать землю не умею. Теперь ещё и заставляю тебя готовить для себя... Я обидел тебя. — Он подумал немного и решил, что та простая еда, которую он готовил раньше, чтобы просто набить желудок, наверняка не нравилась его брату.

Шэнь Цзинцин с удивлением взглянул на старшего брата.

Лунный свет был прекрасен, небо усыпано звёздами. Лунное сияние, словно белый иней, ложилось на края его одеяний, делая его ещё более благородным и изящным. Это был его старший брат, которому не нужно было пахать землю и платить налоги, который получал жалованье за учёность и был единственным учёным в округе на десять деревень вокруг.

И теперь этот брат говорит ему, что он грубый мужик и что он обидел младшего...

— ...Я совсем не чувствую себя обиженным. — С трудом произнёс Шэнь Цзинцин — Старший брат... ты прекрасен. Не стоит себя недооценивать.

В конце концов, что бы ни случилось, Шэнь Цзиньхуа никогда не обижал своего единственного младшего брата.

Глаза Шэнь Цзиньхуа заблестели.

— Правда?

Шэнь Цзинцин энергично закивал.

Шэнь Цзиньхуа обрадовался.

Оба одновременно склонились над мисками, и вскоре они опустели.

Братья ели простую кашу с соленьями, но трапеза казалась им необыкновенно вкусной.

Шэнь Цзинцин проснулся на следующее утро рано, с удовольствием потянулся и обнаружил, что день выдался на редкость ясный.

Он вышел на кухню, забрал оставленную для него братом тёплую пшённую кашу и лепёшку из смеси злаков, затем уселся во дворе, зажмурился от удовольствия и принялся за завтрак, нежась под лучами солнца.

Вчерашнее падение в воду случилось внезапно и создало немало хлопот нескольким сердобольным соседям. Ещё вчера Шэнь Цзинцин договорился с братом, что сегодня вечером они пригласят всех к себе на ужин, чтобы хоть как-то отблагодарить за участие.

Но прежде всего Шэнь Цзинцин решил приготовить брату обед.

Старший брат сейчас работал учителем: давал уроки и в городе, и в деревне. Из-за болезни Шэнь Цзинцина он взял несколько дней отгула, поэтому сегодня рано утром отправился в частную школу в городке, чтобы присмотреть за утренним чтением учеников.

Шэнь Цзиньхуа заканчивал занятия лишь к вечеру. Хотя в школе учителям предоставляли обед, домашняя еда всё же вкуснее, поэтому Шэнь Цзинцин решил отнести брату обед прямо туда.

Однако дома не осталось продуктов. Шэнь Цзинцин планировал сначала подняться на заднюю гору и собрать немного грибов для фаршированных шляпок, а затем зайти к мяснику Чжу и купить рёбрышки для сегодняшнего вечернего приёма гостей.

Шэнь Цзинцин похлопал себя по округлившемуся после еды животу, удовлетворённо взял

ключи и вышел за дверь.

Заперев дом, он взял корзину и неспешно зашагал по глинистой деревенской дороге, используя прогулку как возможность переварить завтрак.

Развлечений в деревне было мало, да и это вам не информационная эра. В этой маленькой древней деревушке новость о том, что свиноматка опоросилась, могла мгновенно облететь всю округу от начала до конца. Поэтому Шэнь Цзинцин быстро стал объектом сплетен.

Ранее за Шэнь Цзинцином закрепилась репутация маленького глупца, поэтому люди не стеснялись говорить при нём лишнего. Некоторые даже осмеливались останавливать его напрямую и задавать вопросы.

— Цзин-гээр, вчера я видела, как твой брат нёс подарки к охотнику Линю. Ещё он вернулся с курицей. Раз тот спас тебя, неужто твой брат ходил свататься? — спросила одна сплетничающая соседка из той же деревни. Если копнуть глубже, они даже приходились Шэнь Цзинцину дальними родственниками.

В династии Юй нравы были довольно свободными. Не то чтобы физический контакт между женщиной и гэрмом, упавшим в воду, мог окончательно погубить репутацию, но пустые разговоры всё же могли пойти.

Шэнь Цзинцин почувствовал, как у него дёрнулся глаз.

— Нет, тётушка, вы ошиблись. Мой брат вчера ходил к охотнику Линю поблагодарить, и заодно купить дичи. — Охотник Линь спас мне жизнь, и я помню об этом добре, но жениться на нём мы точно не собираемся.

На этот раз удивление посетило тётушку Ли:

— Сегодня ты говоришь совсем не как глупец.

— Благодаря заботе тётушки, после падения в воду я сильно болел, и дурь всю выжгло, — Шэнь Цзинцин натянуто улыбнулся. Общаться с этими дальними родственниками, дядюшками и тётушками было действительно утомительно.

Тётушка Ли не успела ничего ответить, как Шэнь Цзинцин продолжил:

— Тётушка, не обижайтесь, но мне нужно срочно идти на заднюю гору, собрать немного диких овощей и грибов. Я несу обед старшему брату, так что пойду.

Шэнь Цзиньхуа был единственным обладателем учёной степени сюцай на десять деревень

вокруг, к тому же он преподавал в деревенской школе. У самой тётушки Ли ребёнок учился в этом классе, поэтому она не посмела его задерживать.

Разговор зашёл так далеко, что ей осталось лишь сухо ответить:

— Несёшь обед господину Шэню? У меня дома ещё есть немного диких грибов, может, возьмёшь?

Шэнь Цзинцин не посмел бы их взять. Он лишь сказал, чтобы она оставила их своему ребёнку, ведь на горе грибов полно, он сам соберёт.

После этого он поспешно ретировался и направился к задней горе. Если бы он замешкался ещё хоть на четверть часа, новость о том, что он больше не глупец, облетела бы всю деревню, и тогда уйти бы ему точно не удалось.

<http://bllate.org/book/17180/1608001>